

УДК 39(477.75):001.891–057.4 «1920–1930»

III и IV КРЫМСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ: ЦЕЛИ, ПРОЕКТЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Асанова У. К.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина
E-mail: musaeva_ulker@mail.ru*

На основании новых неопубликованных и малоизвестных архивных источников восстанавливаются обстоятельства проведения, мотивация принятия решений III и IV Крымских конференций музейных работников в середине 20-х гг. XX в. Освещается ход конференций, анализируется содержание основных решений, имевших ключевое значение для дальнейшего развития музейного дела в Крымской АССР. Констатируется, что в результате проведения подобных мероприятий усилия по созданию единой сети музейных учреждений в регионе дали положительный результат. Прослежено выполнение решений конференций через постановления руководящих органов власти Крымской АССР.

Ключевые слова: Крымская АССР, музейная сеть, конференция, КрымОХРИС, А. И. Полканов, Я. П. Бирзгал.

Проблема реорганизаций и преобразований, форм, методов работы музейной сети, участия в ней представителей государственных органов с одной стороны, и – крымской научной и творческой интеллигенции – с другой, остается малоизученным сюжетом исследуемой темы развития музейного дела в Крымской АССР в 20–30-х гг. XX в. Основными проблемами в этом отношении являются фрагментарная обеспеченность документальной базой для полноценного освещения сюжета, противоречивость данных документов и опубликованных источников относительно целого ряда решений, принятых государственными органами в отношении музеев региона, отсутствие контроля над выполнением принятых решений со стороны самих государственных органов. Восстановление полноценной картины этого процесса на основании новых архивных источников формулирует **актуальность** нашего исследования. Его **целью** является освещение роли и значения решений III (16–18 сентября 1924 г.) и IV (12–13 сентября 1926 г.) Крымских конференций музейных работников для окончательного формирования единой сети музеев региона, определения их профилизации и сферы научно-исследовательских интересов.

Вместе с тем, изученные материалы архивов позволяют говорить о том, что музейная сеть Крымской АССР в период 20-х–30-х гг. XX в. претерпела несколько значительных организационных преобразований, каждое из которых затронуло всю организационную схему управления музеями, способствовало созданию действительно органически взаимосвязанной сети постоянно действующих учреждений. Вместе с тем, любая корректировка методов руководства была продиктована и обыкновенными соображениями приоритетов и интересов государственно-партийного аппарата, в первую очередь – в отношении идеологического контроля

над деятельностью музеев в условиях становления и укрепления единоличного тоталитарного политического режима в СССР, основанного на культе личности И. В. Сталина.

Анализ документальной базы по проблеме позволяет нам предложить новую периодизацию процесса развития музейной сети в Крымской АССР: 1921–1927 гг. – период становления новых форм музейной работы в регионе, возобновление постоянного функционирования музеев досоветского времени, появление новых государственных музеев различного профиля, руководящая и методическая деятельность КрымОХРИСа – специального государственного органа по руководству музеями Крыма; 1927 – первая половина 30-х гг. XX в. – период организационных преобразований и подчинения музейной сети идеологическому контролю партийно-государственных органов Советской власти: ликвидация КрымОХРИСа, сосредоточение руководящих функций в руках чиновников Наркомпроса Крымской АССР, общий кризис музейной работы и первый этап политических репрессий против сотрудников музеев; вторая половина 30-х гг. XX в. – 1941 г. – период укрепления идеологического контроля музейной работы, окончательное формирование музейной сети в Крымской АССР: прямое подчинение и введение музеев в компетенцию структур Наркомпроса РСФСР и Крымской АССР, увязка работы музейных экспозиций с актуальными задачами экономического, политического и культурного строительства, осуществлявшегося органами Советской власти, значительное усиление историко-революционной тематики в работе экспозиций, прямая зависимость развития музейной работы от выполнения распоряжений руководящих органов.

События первого периода (1921–1927 гг.) напрямую связаны с деятельностью КрымОХРИСа. Его руководитель А. И. Полканов отмечал, что согласно постановлению коллегии Главмузея от 4 января 1922 г. ведомство было напрямую подчинено столичной специализированной структуре – Музейному отделу Главнауки Наркомпроса РСФСР, взаимодействие и руководящие функции Наркомпроса Крымской АССР могли осуществляться только в вопросах организационного обеспечения и местного значения [1, с. 96]. При этом, учитывая совмещение заведующим КрымОХРИСом должности уполномоченного Музейного отдела Главнауки по Крымской АССР, можно констатировать, что фактически КрымОХРИС был самостоятельной структурой в руководстве музеями Крыма, находясь при этом на бюджетном содержании местных органов власти.

Отображение значительных изменений в работе музейной сети Крымской АССР было продемонстрировано решениями III Крымской конференции музейных работников, состоявшейся 16–18 сентября 1924 г. в Севастополе. Программа конференции предполагала решение следующих вопросов: в первый день было запланировано оглашение общеполитических и методологических докладов (очевидно, выполнявших роль озвученной ранее «политической переподготовки») – «О международном положении», «Наука и искусство революции» (к сожалению, имена докладчиков в тексте программы зафиксированы не были) и «Задачи востоковедения в Крыму», авторами которого были обозначены профессор, заведующий историко-этнологическим отделом ВНАВ при ВЦИК (г. Москва) И. Н. Бороздин и А. С. Ятманов. Во второй день конференции работу планировалось начать с заслушивания

докладов с мест – от заведующих музеями, подчиненными КрымОХРИСу. Видение основных приоритетов работы профильной организации отражались в докладе заведующего КрымОХРИСом А. И. Полканова «Задачи и перспектива деятельности КрымОХРИСа», проекты совершенствования сети музеев региона были представлены в докладе профессора А. И. Маркевича, члена президиума Третьяковской галереи А. А. Мидлера и заведующего Ялтинским естественно-историческим музеем Г. Я. Россилевича «Планы музейного строительства в Крыму (сеть, типы, перегруппировки, пополнения)». Результаты деятельности музеев содержались в докладе А. С. Ятманова «Плоды музейной работы (экскурсионной, агитационно-просветительной, научной и организационной)», проблема поиска и подготовки квалифицированных специалистов была заявлена директором Херсонесского историко-археологического музея, профессором ЛГУ К. Э. Гриневичем в докладе «О подготовке кадров музейных и археологических работников».

На третий день конференции рассмотренными должны были стать следующие доклады: «Охрана памятников старины и этнографии» профессоров А. П. Удаленкова (г. Ленинград), Б. В. Чобан-Заде и директора Дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае У. А. Боданинского, «Организационные вопросы по управлению и финансированию музеев», «Охрана природы», научные доклады по специальным вопросам, вопросы, вносимые членами конференции (данные о докладчиках не сохранились) [2, л. 69; 3, л. 21].

Резолюции III Конференции крымских музейных работников позволяют судить о масштабах вопросов и адекватности выводов, сделанных участниками Конференции. Так, в специальной резолюции по музейному строительству были намечены основные приоритеты работы сети. Впервые признавалось что «Крым со всеми находящимися на его территории археологическими, историко-художественными и этнографическими памятниками и природой имеет исключительное, не только общегосударственное, но и мировое научное значение», при этом специально оговаривалось что «исследование его культурно-исторического прошлого и природных богатств является главной задачей крымских музеев <...>, осуществление этой задачи возможно только путем привлечения к ее выполнению широких народных масс и сближению музейной работы с пролетарскими партийными и культурно-просветительскими организациями» [4, л. 1].

Очередные задачи музейного строительства были сформулированы Конференцией следующим образом: считалось необходимым усиление научно-исследовательской работы путем организации широкой сети краеведческих музеев или соответствующих отделов при существующих музеях; требовалось установление более тесной связи работ краеведческих музеев с хозяйственной деятельностью населения путем организации в них соответствующих производственных отделов; полезным признавалось установление более тесной связи работы музеев с партийными и культурно-просветительскими организациями; указывалось на необходимость установления тесного контакта с центральными научными и музейными учреждениями; концентрацию художественных коллекций, в виду их слабости и распыленности, предполагалось осуществлять в ограниченном круге музеев с доведением их до «надлежащей высоты музейных требований», для этого планировалось

ходатайствовать об изъятии фондов ряда местных или небольших по составу коллекций музеев [4, л. 1].

Специальная резолюция Конференции была посвящена собственно реформированию музейной сети Крымской АССР. Так, в связи с тем, что «Крым являлся в истории революционного движения самостоятельным крупным центром», Конференция постановила создать на территории республики Музей Революции, обратившись с соответствующим представлением через Наркомпрос Крымской АССР в КрымЦИК и областной комитет ВКП (б). Также была зафиксирована идея определить в каждом городе музей, при котором централизованно могли собираться революционные материалы, для будущего Музея Революции либо соответствующего отдела при местных музеях. Отмечалось, что такая работа уже была начата в Керчи и Феодосии, подчеркивалась необходимость ее распространения на другие города и районы Крыма.

Особое внимание делегаты Конференции уделили проблемам музейной сети Севастополя: «принимая во внимание, что Севастополь является в Крыму самым крупным пролетарским центром, что в нем за время революции не создано было ни одного нового музейного учреждения в интересах обслуживания пролетарских масс», Конференция постановила «немедленно приступить» к организации в городе Севастопольского музея краеведения с отделом революции в его составе, как ключевого звена экспозиции. Оговаривалось и место размещения нового музея: предлагалось использовать под эти цели бывшее здание Дома-музея Л. Н. Толстого. Кроме краеведческого учреждения, Конференция посчитала целесообразным открытие в городе картинной галереи, при этом, в резолюции зафиксировано обращение «к Центру» (очевидно, к Главмузею) передать соответствующий для этой цели музейный материал. Также было решено ввиду несоответствия экспозиции Музея Севастопольской обороны, построенной якобы по «принципу империалистического патриотизма», реорганизовать его в Военно-исторический музей «с более широкими задачами, развив в соответствии с этим в нем отделы, характеризующие социальные основы, бытовые особенности и захватные стремления войн», реорганизацию планировалось начать не позднее 15 октября 1924 г., во время ее проведения музей должен был быть закрыт.

Среди решений конференции были и противоречивые, однозначно политизированные предложения. Так, было зафиксировано, что ввиду разгула антирелигиозной кампании и угрозы полного разграбления к памятникам обороны Севастополя 1854–1855 гг. необходимо добавить городские церкви. Одновременно с этим предлагалось провести ревизию памятников с целью выявления тех, которые могли быть списаны с учета. Парадоксальной в этом смысле выглядит инициатива Конференции «признать целесообразным снятие памятника Нахимову для постановки на его месте памятника вождю мирового пролетариата Ленину». Закрытый властями города в 1924 г. Дом-музей Л. Н. Толстого не предполагалось возрождать – вместо этого была выдвинута идея: часть экспозиции, имеющую отношение ко времени обороны Севастополя передать в создаваемый Военно-исторический музей, а остальные вещи – передать в распоряжение Музейного отдела Главнауки [4, л. 2].

Столь же смелые решения ожидали и другие музейные учреждения Крыма. В Ялте было постановлено ликвидировать церковь-музей при Морской санатории и Дом-музей композитора В. И. Ребикова. Имущество первой должно было быть передано в центральный церковно-музейный фонд, а второго – в Ялтинский краеведческий музей. Коллекции Ялтинского художественного музея должны были быть подвергнуты пересмотру с удалением всего материала «немусейного характера». Какие конкретно произведения искусства могли попасть в данную категорию, Конференция не уточнила. Ливадийские дворцы рассматривались делегатами Конференции «не только как исключительно важный исторический памятник, но и агитационный», следовательно, их сохранение должно было быть продиктовано целями демонстрации царского быта с организацией в помещениях дворцов отдела революционного движения. Конференция также обращалась к центральным профильным государственным органам с просьбой скорейшего возвращения экспонатов Ливадийских дворцов (икон, посуды, мебели) для восстановления убранства и формирования экспозиции. Проявление столь глубокого внимания к музеям Ялты можно считать следствием результатов месячной командировки Я. П. Бирзгала в Ялтинский округ, санкционированной 1 июля 1924 г. коллегией Наркомпроса Крымской АССР.

Однозначно более рациональные предложения были высказаны Конференцией относительно Алушкинского дворца-музея, в котором предлагалось открыть Музей русского быта в Крыму первой половины XIX в. с созданием специального «Отдела старого Крыма», где должны были концентрироваться картины и гравюры из коллекции дворца с видами полуострова. Конференцией было санкционировано переименование Ялтинского естественно-исторического музея в Ялтинский музей краеведения и высказывалось предложение об объединении Естественно-исторического музея в Симферополе с ЦМТ под новым названием – Центральный крымский музей краеведения. Отдельно также была затронута проблема сохранения икон и церковных предметов музейного значения: рассеянные по разным учреждениям экспонаты планировалось концентрировать в едином помещении, вплоть до определения места постоянного хранения. Однако конкретно на такой объект сохранения реквизированных ценностей в резолюции указано не было [4, л. 3].

В организационном смысле, Конференция зафиксировала стремление крымских музейных работников быть вовлеченными в актуальные процессы политико-идеологического строительства в регионе. Так, в специальной резолюции было отмечена инициатива тесной связи музейных работников с партийными органами на местах «для вовлечения <...> в изучение марксистской методологии». Вводился институт практикантов при музеях, который должен был быть призван воспитать кадры новых музейных и археологических работников. Для стимуляции процесса воспитания новых специалистов, Конференция ходатайствовала об установлении специальных стипендий для студентов, планирующих работать в музеях Крыма, а также – об отпуске ЦИК Крымской АССР целевого кредита КрымОХРИСу для подготовки специалистов.

Необходимость повышения квалификации действующих работников была отражена в идее организации регулярных командировок для временных работ при центральных музеях РСФСР. Особое внимание было уделено и материальному по-

ложению подвижников музейного дела в Крыму. Так, Конференция постановила «обратить внимание НКП и Главнауки на необходимость поднятия заработной платы, если не сообразно с квалификацией работы, то хотя бы до минимального уровня, который бы дал музейным работникам [возможность] вести нормальную работу». Мотивацией этого решения были низкие ставки оплаты труда, установленные Госпланом при большой экскурсионной и научно-организационной работе, проводимой крымскими музейщиками [4, л. 4].

В целом, решения III конференции музейных работников Крыма могут быть оценены как новаторские, своевременные, но выдержанные в русле усиления политико-идеологического контроля над музейной работой. Во-первых, они затрагивали все основные направления работы музеев региона. Во-вторых, они демонстрировали комплексный характер руководящей деятельности КрымОХРИСа, который смог эффективно обеспечить работу и в организационном, и в методическом, и в научно-исследовательском направлениях. В-третьих, однозначный дрейф в сторону следования установкам партийных идеологических органов можно считать следствием общей тенденции культурного строительства в СССР, решения же местных профильных контролирующих органов следует отнести к проявлению реакции на решения вышестоящих инстанций и стремление их оперативно выполнить. Кроме того, следует отметить, что КрымОХРИС при всех атрибутах автономности, являлся неотъемлемой частью общей государственной системы органов управления культурой в рамках Крымской АССР. Вследствие этого, следует рассматривать определенную политизацию его действий как отвечающую контексту времени.

Официальным оформлением решений Конференции о ликвидации и реорганизации ряда музеев стало постановление коллегии Наркомпроса Крымской АССР от 12 ноября 1924 г. Согласно заслушанному докладу Я. П. Бирзгала об итогах сентябрьской музейной конференции, коллегия утвердила: ликвидировать – Дом-музей Толстого в Севастополе, Дом-музей композитора В. И. Ребикова в Ялте, Церковь-музей при Морском санатории в Ялте, Художественный музей в Феодосии, Картинную галерею в Керчи, Картинную галерею в Евпатории, Дворец-музей в Новом Свете. Картины из художественных музеев Евпатории, Керчи и Феодосии планировалось сосредоточить в художественном отделе ЦМТ. К объединению в одном здании должны были быть подготовлены: ЦМТ и Симферопольский естественно-исторический музей, Евпаторийский археолого-этнографический, Караимский музей и Караимская национальная библиотека, Галерея И. К. Айвазовского и Феодосийский археологический музей соответственно. Реорганизации подлежали Севастопольский музей обороны в Военно-исторический музей «с марксистским уклоном», Музей Алушкинского дворца в Музей русского быта конца XVIII – начала XIX вв. [5, л. 58].

Свидетельством сложностей и несогласованности процесса реорганизации музейной сети в 1924–1925 гг. можно считать обращение народного комиссара просвещения Крымской АССР У. В. Балича в Главнауку Наркомпроса РСФСР от 21 января 1925 г. Касалось оно ситуации, сложившейся вследствие изменения подчиненности ряда музеев. Так, вплоть до лета 1924 года на снабжении Главнауки Наркомпроса РСФСР находились девять музейных учреждения Крыма: ЦМТ,

Алупкинский историко-бытовой музей, Дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, Галерея Айвазовского в Феодосии, Евпаторийский археолого-этнографический музей, Ливадийский дворец, Пушкинский дом в Гурзуфе, Херсонесский историко-археологический музей и Феодосийский археологический музей. В связи с требованием Народного комиссариата финансов РСФСР ряд музеев, а именно – ЦМТ, Евпаторийский историко-археологический музей, Пушкинский дом в Гурзуфе и Феодосийский археологический музей – должны были быть сняты с централизованного финансирования и переданы на баланс бюджета Крымской АССР. Как сообщал в Главнауку У. В. Балич, сметы последних музеев были своевременно переданы в Наркомфин РСФСР, однако, «по их оплошности пропущены», и не попали в сводный бюджет Крымской АССР. Проблема усугублялась тем, что, по словам У. В. Балича, А. И. Полканов по собственной инициативе ходатайствовал перед Наркомфином РСФСР о выделении крымским музеям дополнительного содержания в размере 21 000 рублей. Однако, и это ходатайство осталось без рассмотрения, в итоге – ряд музейных учреждений Крыма (Алупкинский, Бахчисарайский, Ливадийский дворцы и галерея Айвазовского в Феодосии) к началу 1925 года остались без всякого финансирования, а штат ЦМТ был опущен Штатной комиссией Главнауки вообще, вследствие чего центральное музейное учреждение Крыма фактически теряло «всякую юридическую и финансовую базу». Следствием реорганизации и несогласованных действий стало то, что с 1 октября 1924 г. музейные работники Крыма не получали жалованья, а поддерживались лишь небольшими авансами из спецсредств, заработанными музеями в течение летнего периода, которых, по прогнозу У. В. Балича должно было хватить до 1 февраля 1925 г. В связи со сложившейся ситуацией, нарком просвещения Крымской АССР просил Главнауку содействовать в ее разрешении путем: снабжения Наркомфином музеев, снятых с центрального финансирования кредитами госбюджету Крымской АССР, включением в смету финансирования Алупкинского, Бахчисарайского, Ливадийского дворцов и галереи Айвазовского в Феодосии, утверждением штатов ЦМТ Штатной комиссией Главнауки. Для демонстрации серьезности ситуации, У. В. Балич напрямую указал, что в случае отсутствия выделения кредитов на содержание музеев, Наркомпрос Крымской АССР будет вынужден ликвидировать «все крымские музеи», штат работников – распустить, а имущество – отправить в склады «под охрану милиции» [6, л. 62].

Реакция на обращение У. В. Балича последовала лишь 3 апреля 1925 г. При этом, стоит учесть, что решение относительно дальнейшего финансирования крымских музеев было принято на самом высоком государственном уровне – на заседании Малого Совнаркома РСФСР. Согласно выписке из протокола заседания, было постановлено «включить в сеть учреждений, финансируемых за счет госбюджета, следующие крымские музеи и дворцы: 1) Научный музей в Ялте; 2) Галерею Айвазовского в Феодосии; 3) Археологический музей в Феодосии; 4) Археологический музей в Евпатории; 5) Центральный музей Тавриды в Симферополе; 6) Бахчисарайский дворец; 7) Пушкинский дом». Финансирование предполагалось осуществить из резервного фонда СНК РСФСР и составляло 21 000 рублей, направленных на увеличение соответствующей сметы Наркомпроса Крымской АССР [7,

л. 54]. Разрешение данной ситуации наглядно продемонстрировало, что реорганизация музейной сети, инициированная Наркомпросом Крымской АССР была подготовленной и продуманной лишь частично, учитывая же, что сумма дополнительного финансирования, выделенная крымским музеям в апреле 1925 г. была равна сумме, затребованной изначально заведующим КрымОХРИСом А. И. Полкановым для дополнительного финансирования, становится очевидным конфликт полномочий между руководителями НКП Крымской АССР и КрымОХРИСа, стремившимися к единоличному представительству интересов крымских музеев перед центральными государственными органами.

О завершении становления музейной сети к 1925 г. свидетельствуют документы о закреплении штатных единиц в крымских музеях. Так, ЦМТ определялся штат в 23 человека (входили должности директора, совмещенной с должностью заведующего художественным отделением, хранителей историко-культурного, естественно-исторического и революционного отделений, помощников хранителей по этнологической, экономической, зоологической, геологической, ботанической секциям, препаратора, библиотекаря, заведующего музейным фондом, смотрителя зданий, делопроизводителя-счетовода, научного сотрудника художественного отделения, вахтера, музейного служителя, ночных сторожей и истопника). Далее следовали: Ялтинский научно-художественный музей с тремя подразделениями в разных помещениях: художественным, восточно-этнографическим, краеведческим (естественно-историческим) получал 15 штатных единиц, Галерея И. К. Айвазовского и археологический музей в Феодосии – 8, Военно-исторический музей с памятниками времен Крымской войны в Севастополе – 17, Евпаторийский археолого-этнографический музей – 4, Пушкинский дом в Гурзуфе – 1 [8, л. 37–38 об.]. Таким образом, общее число работников музейной сети в Крымской АССР, обеспечение работы которых была возложена на бюджет Крымской АССР составляла 68 штатных единиц. Это, в свою очередь согласуется с предшествовавшими этому решениями о сокращении количества штатных единиц и свидетельствует об окончании очередной реорганизации в крымских музеях.

Вместе с тем, в работе музейных учреждений Крымской АССР первой половины 20-х гг. XX в. можно отметить характерные черты нестабильности, а также отсутствия стратегического видения их работы со стороны контролирующих органов. Преодоление этих проблем должно было быть осуществлено на IV Крымской конференции музейных работников. Она состоялась в Керчи 12–13 сентября 1926 г. и проводилась сразу после окончания Первой Всесоюзной конференцией археологов СССР, посвященной столетнему юбилею Керченского музея древностей.

Музейная конференция проходила на высоком представительном уровне – быть ее Председателем дал согласие и прибыл из Москвы начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР, видный общественный и партийный деятель Федор Николаевич Петров (1876–1973). Состав делегатов Конференции также демонстрировал явное повышение значения музейной работы в регионе. В ее работе приняли участие: от КрымОХРИСа – А. И. Полканов и Я. П. Бирзгал; от ЦМТ – профессора П. И. Голландский, И. И. Пузанов, Н. Л. Эрнст; старший научный сотрудник А. Я. Исхакова, библиотекарь Д. С. Спиридонов; от Херсонесского музея – его директор, профессор

К. Э. Гриневич и смотритель музея Н. З. Федоров; от Севастопольского военно-исторического музея – И. Ивин, от Бахчисарайского дворца-музея – директор У. А. Боданинский; от Евпаторийского музея – директор П. Я. Чепурина; от Алупкинского музея – директор С. Д. Ширяев; от Ялтинского художественного музея – директор А. Г. Корнев; от Ялтинского восточного музея – директор Я. М. Якуб-Кемаль; от Феодосийского археологического музея – директор Н. С. Барсамов; от Картинной галереи И. К. Айвазовского – К. Ф. Богаевский; от Керченского историко-археологического музея – директор Ю. Ю. Марти и Х. Шибнев; от Музея наглядных пособий с Симферополе – С. И. Забнин. Археологическую секцию Академического совета Наркомпроса Крымской АССР представляли профессор А. И. Маркевич и О.-Н. А. Акчокраклы, городские власти Керчи – Э. И. Мезер. Согласно протоколу конференции ее главой единогласно был избран Ф. Н. Петров, а секретарями – У. А. Боданинский, С. Д. Ширяев и Н. Л. Эрнст [9, л. 1].

В повестку дня конференции были внесены доклады с мест, которые должны были озвучить прибывшие заведующие музеями, а также ряд авторских теоретических и методических докладов. Согласно повестке, первым вопросом были заслушаны сообщения директоров музеев – Н. С. Барсамова, У. А. Боданинского, К. Э. Гриневича, И. Ивина, А. Г. Корнева, Ю. Ю. Марти, А. И. Полканова, П. Я. Чепуриной, С. Д. Ширяева, Я. М. Якуб-Кемалья. Ввиду их информационного характера, Конференция постановила принять их к сведению [9, л. 1 об.].

Наиболее значительным и резонансным для работы Конференции, а учитывая последствия – и для всего крымского музейного дела в изучаемый период стал доклад, презентованный заместителем заведующего КрымОХРИСом Яном Петровичем Бирзгалом (1898–1968) на вечернем заседании 12 сентября «О музейной сети в Крыму, установлении типов музеев и разграничении сферы научно-исследовательской деятельности Крымских музеев».

В первой части своего выступления Я. П. Бирзгал предложил свою периодизацию развития современного ему музейного дела в регионе. Так, период 1921–1924 гг. был назван им «собирательским»: проводилась обширная работа по учету и концентрации конфискованных художественных и научных ценностей и формирование на их основе районных музеев, выставок, новых отделов уже функционировавших музеев. Второй период – «научного планирования собранных коллекций» начался, по мнению докладчика, после проведения III Крымской конференции музейных работников в сентябре 1924 г., на которой были ликвидированы ряд музеев «возникших случайно и не имеющих данных к существованию». В связи с этими решениями, в Крымской АССР была создана «минимальная сеть музеев», в которую входили: в Симферополе – ЦМТ; в Бахчисарае – Дворец-музей тюрко-татарской культуры и Мемориальный музей И. Гаспринского; в Севастополе – Военно-исторический музей, Херсонесский историко-археологический музей; в Алупке – Алупкинский дворец-музей; в Ялте – Ялтинский научно-художественный музей, состоящий из трех отделов: естественно-исторического, художественного, восточного; в Феодосии – Феодосийский археологический музей, Картинная галерея И. К. Айвазовского; в Керчи – Керченский историко-археологический музей; в Евпатории – Археолого-этнографический музей. По мнению Я. П. Бирзгала, данная

сеть музеев, созданная под руководством, а фактически – напрямую решениями, инициированными КрымОХРИСом «строго соответствует научно-исследовательским и культурно-просветительным факторам крымской действительности», а потому должна была быть сохранена, а какие-либо сокращения в ней – недопустимы [9, л. 2].

Вместе с тем, по мнению докладчика, к моменту проведения очередной Конференции, перед музейным сообществом Крыма встал актуальный вопрос относительно определения и уточнения типологии каждого из существовавших на тот момент учреждений. В связи с этим, Я. П. Бирзгал представил свое видение дальнейшей реорганизации музейного дела в Крыму. Так, ЦМТ в новой музейной системе отводилась роль смешанного музея, который имел два крупных направления работы: культурно-историческое и естественно-историческое. Относительно первого направления устанавливались следующие структурные подразделения: 1. Археологический отдел (с подотделами: доисторической культуры Крыма, скифо-сарматской культуры, греко-римских колоний, культуры крымского Средневековья, древностей татарского периода в Крыму); 2. Этнографический отдел (с подотделами изучения быта и культуры татар, болгар, крымских цыган, немцев, караимов и крымчаков); 3. Художественный отдел (с подотделами: русской живописи XV–XX вв., фарфора и фаянса русского и зарубежного происхождения); 4. Отдел революционного движения в Крыму; 5. Библиотека (состоящая из двух отделов: «Таврика» и общего – по искусству, археологии и этнографии). В свою очередь естественно-историческое направление ЦМТ должно было иметь такие подразделения: 1. Неорганической природы (с подотделами: общей геологии, полезных ископаемых, почвенный, географии Крыма, метеорологии и мелиорации); 2. Растительного мира (подотделы: общая ботаника, полеводства, лесоводства, садоводства, виноградарства и табаководства); 3. Животного мира (подотделы: общей зоологии, рыболовства, охотничьего промысла, животноводства, пчеловодства и шелководства) [9, л. 2 об.].

Основные задачи научно-исследовательской работы ЦМТ Я. П. Бирзгал сформулировал комплексно. В отношении археологии это должны быть комплексные штудии по изучению прошлого региона по остаткам материальной культуры от доисторической эпохи до периода Средневековья (готские и византийские памятники), также к Археологическому отделу ЦМТ в качестве надзора должны были быть переданы в ведение все памятники истории Симферопольского, Джанкойского, Карасубазарского и Алуштинского районов. Этнографические исследования ЦМТ планировалось направить в русло изучения культуры и обычаев болгар, цыган, немцев и крымчаков. В соответствии с предложенной структурой, лишними, «не соответствующими плану строительства» были признаны в ЦМТ картины и скульптуры западноевропейских мастеров различных эпох. Их предлагалось передать в Ялтинский художественный музей [9, л. 3].

Не менее смелые инициативы Я. П. Бирзгал выдвинул и в отношении остальных музейных учреждений Крыма. В Музее тюрко-татарской культуры в Бахчисарае было предложено в помещениях бывшего Ханского дворца, не подлежащих реставрации, устроить выставку образцов крымскотатарского зодчества XV–XVIII вв. Также выдвигалась идея создания отдельного Музея крымскотатарской культуры, который должен

был объединить в себе отделы художественно-кустарной промышленности, этнографии, археологии и библиотеку татарской письменности. Дом-музей И. Гаспринского предлагалось сделать филиалом Дворца-музея. В его же ведение переходили археологические и архитектурные памятники Бахчисарая и Бахчисарайского района (включая «пещерные города» горной части Юго-Западного Крыма). Научные штудии Дворца-музея должны были охватывать весь массив изучения крымскотатарской культуры и истории. Экспонаты музея, имевшие некрымское происхождение (персидские, кавказские, малоазиатские и прочие музейные памятники), по причине несоответствия научному направлению музея, передавались ялтинскому Восточному музею.

Руководители КрымОХРИСа вынуждены были отказаться от реорганизации Музея Севастопольской обороны 1854–1855 гг. в Военно-исторический музей широкого профиля. Я. П. Бирзгал объяснял это невозможностью собрать достаточное количество необходимых материалов и экспонатов и отсутствием у музея необходимых выставочных помещений. Этим чиновник фактически дезавуировал решение III Крымской конференции музейных работников о реорганизации данного учреждения. В ведение Музея Севастопольской обороны для надзора передавались памятники Исторического бульвара, Малахова кургана, братское кладбище воинов российской армии. При этом, снова была озвучена идея создания комиссии по пересмотру памятников Севастопольской обороны 1854–1855 гг. для выявления тех, которые не представляли «историко-художественного интереса» и подлежали списанию [9, л. 3–3 об.].

Касательно работы Херсонесского историко-археологического музея отмечалось, что он должен сохранить свой профиль и организовать работу по трем отделам: греческого, римского и византийского периодов соответственно. Я. П. Бирзгал указывал и на нецелесообразность распыления коллекций учреждения, в связи с чем, идея открытия филиала Херсонесского музея в Севастополе была подвергнута критике. Под надзор дирекции Херсонесского музея попадали археологические памятники Севастопольского и Евпаторийского районов, как связанные с культурой древнего Херсонеса. Конференция музейных работников была вынуждена принять решение и о ликвидации Севастопольской картинной галереи. Власти города отказались предоставить учреждению помещение, а также – взять музей на свой финансовый баланс. В связи с этим, экспонаты должны были занять место в фондах Ялтинского художественного музея и художественного отдела ЦМТ [9, л. 4].

Критике была подвергнута деятельность дирекции Алушкинского дворца-музея. Указывая на то, что памятник архитектуры и истории является уникальным по своему происхождению образцом русского помещичьего дворянского быта 20–30-х гг. XIX в., Я. П. Бирзгал настаивал на том, что музей должен сохранить свою бытовую направленность. Попытки придать экспозиции самостоятельное историко-художественное значение, должны были быть «категорически отвергнуты», как нарушающие стройность музейной сети в Крыму. Были предложены и новые структурные единицы: в помещениях, не представлявших художественной ценности, докладчик предложил разместить выставки по истории развития усадебной культуры в Крыму и крымского пейзажа в его историческом развитии [9, л. 4 об.].

Синкретический характер должен был носить в новой музейной сети Восточный музей в Ялте. Основной его задачей определялось изучение этнографии и художественно-кустарной промышленности южнобережных крымских татар. Вместе с тем, большое внимание в экспозиции должно было быть уделено образцам художественной промышленности и искусства стран Востока. Именно так и предлагалось подразделить структуру учреждения.

Ялтинский краеведческий музей, по соображениям Я. П. Бирзгала, должен был сосредоточить свое внимание на изучении природоведения Южного берега и горного района Крыма с уклоном в изучение экономики и производительных сил микро-региона. В связи с этим, ликвидации подлежал археологический отдел музея, а его экспонаты должны были передаваться в ЦМТ. Оставшаяся экспозиция должна была копировать структуру естественно-исторического отделения ЦМТ: отделы неорганической природы, растительного и животного мира.

Ялтинский художественный музей признавался Я. П. Бирзгалом специализированным художественным музеем с историко-культурным направлением. Его структура должна была содержать отделы западноевропейской и русской живописи, а также отдел гравюр. Научные исследования в музее предлагалось ограничить описанием экспонатов музея. Ввиду малочисленности экспонатов предлагалось ликвидировать отдел стекла и фарфора, а коллекцию перенести в ЦМТ [9, л. 5–5 об.].

В Феодосии Я. П. Бирзгал предложил объединить в единое учреждение Археологический музей и Картинную галерею И. К. Айвазовского. Структура Археологического отдела предполагала изучение всех культур региона в хронологическом порядке. Галерея И. К. Айвазовского должна была сохранить свой статус и структуру, вместе с тем, Я. П. Бирзгал выдвинул идею параллельного создания Галереи работ К. Ф. Богаевского. Научную работу в Феодосийском музее предполагалось сосредоточить вокруг вопросов истории генуэзской и армянской культур в средневековом Крыму. Под надзор учреждения передавались памятники Феодосийского, Старо-Крымского и Судакского районов.

Я. П. Бирзгал выступил против расширения экспозиционной активности Керченского историко-археологического музея. По мнению чиновника, исключительная ценность профильных коллекций не должна была страдать от появления в музее отделов этнографии, природоведения, современной экономики и производственных сил района. В связи с этим, предлагалось выделить краеведческий отдел из общей структуры музея. В самом же профильном учреждении предлагалось оставить хронологический принцип формирования экспозиции: от эпохи скифо-сарматской культуры до периода завоевания Крыма Российской империей. Надзору музея подлежали все памятники города и Керченского района. Более того, в развитие своих предложений, Я. П. Бирзгал выдвинул идею научного надзора Керченского музея за памятниками Таманского археологического района, обосновывая это общностью древних культур обоих берегов Керченского пролива [9, л. 5 об.–6].

Структура Евпаторийского археолого-этнографического музея должна была содержать в себе два отдела: этнографии караимов и этнографии татар-ногайцев. Также предлагалось размещение при музее караимской национальной библиотеки «Карай-битиклиги» и создание отдела «старой Евпатории». Относительно осталь-

ных экспонатов музея Я. П. Бирзгал был категоричен – они должны были быть переданы в другие музейные учреждения. Так, археологические коллекции древней Керкинитиды – в Херсонесский историко-археологический музей, вещи восточного происхождения – в Ялтинский Восточный музей, картины – в художественный отдел ЦМТ и Ялтинский художественный музей. Основываясь на аргументе, что половину здания Евпаторийского музея занимает личная библиотека А. Ю. Мичри, которая не имела профильного значения для музея, Я. П. Бирзгал также предложил ее изъять, не указав при этом, куда на хранение должны будут отправиться ее фонды. Музей должен был осуществлять надзор над памятниками города и района, его научная работа должна была сводиться к изучению культуры и быта татар-ногайцев и культуры караимов в комплексном контексте [9, л. 6 об.].

Положения доклада Я. П. Бирзгала вызвали широкую дискуссию среди делегатов Конференции. Так, П. И. Голландский отметил, что КрымОХРИС мог бы предварительно обсудить содержание доклада с научным персоналом музеев. Ф. Н. Петров поставил вопрос о статусе доклада: является ли он самостоятельным трудом и инициативой Я. П. Бирзгала или это официальная позиция КрымОХРИСа? Глава специализированного органа А. И. Полканов отметил, что положения доклада связаны с предложениями, адресованными КрымОХРИСу со стороны Музейного отдела Главнауки обсудить на конференции вопрос о музейно сети. Такой ответ вполне может считаться подтверждением того, что озвученные Я. П. Бирзгалом тезисы и представляли официальную позицию КрымОХРИСа. С. Д. Ширяев предлагал обсудить доклад отдельно, в прениях была высказана идея об обсуждении изложенных предложений в специальной комиссии. Указывалось и то, что тезисы доклада не были представлены делегатам заранее [9, л. 7]. В итоге, Конференция приняла решение создать специальную комиссию из музейных работников по определению типов музеев, созвать которую уполномочили заведующего КрымОХРИСом А. И. Полканова.

В целом, следует отметить, что предложения, озвученные Я. П. Бирзгалом, способствовали значительной структуризации и упорядочению работы музейной сети Крымской АССР, ее четкой профилизации и специализации, что должно было повлечь за собой повышение качества научных исследований и экспозиционной работы. Кроме того, данные постулаты соответствовали установкам руководства Главмузея Наркомпроса РСФСР. Однако, была в докладе Я. П. Бирзгала и личная заинтересованность в усилении контроля КрымОХРИСа над музейной сетью Крымской АССР. Протокол Конференции позволяет заключить, что изменения, озвученные чиновником, затрагивали, прежде всего, те музеи, экспозиции которых менее всего подверглись марксистской идеологической обработке – Алупкинский историко-бытовой дворец-музей, Евпаторийский археолого-этнографический музей. Очевидно, данные претензии были продиктованы не только управленческим стремлением Я. П. Бирзгала осуществить изменения быстрее. События, развернувшиеся в 1927–1928 гг. по инициативе Я. П. Бирзгала вокруг руководителя музея в Евпатории (П. Я. Чепуриной), а также его назначение в декабре 1927 г. на должность заведующего Алупкинским дворцом-музеем позволяют сделать вывод о наличии личного конфликта между руководителями КрымОХРИСа и частью директоров музейных учреждений региона. Показательным является и факт того, что в дискуссии по

докладу показательно не приняли участия представители ЦМТ. Очевидно, именно главный музей Крымской АССР в Симферополе был наиболее заинтересован в осуществлении озвученного плана реорганизации, т. к. именно его фонды более других пополнялись вследствие ее проведения, исследовательские функции – не ограничивались строгими рамками, а наоборот – значительно расширились.

В ходе работы Конференции также были заслушаны доклады К. Э. Гриневича «Вопросы экспозиции археологических коллекций в крымских условиях» [9, л. 7–8 об.], основным содержанием которого была презентация постулатов организации т. н. называемой марксистской экспозиции в Херсонесском музее. С. Д. Ширяев познакомил делегатов с итогами работы по выработке методов экспозиции в историко-художественных и бытовых музеях [9, л. 8 об.–9], а И. И. Пузанов – об организации экспозиции в естественно-исторических музеях [9, л. 9–9 об.]. В ходе дискуссии по зачитанным докладам, начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петров отметил, что положение крымских музеев является неоднозначным. Указывая на деятельность учреждений, директора которых выступали с докладами по методике создания экспозиций, Ф. Н. Петров обратил внимание, что при условиях, существовавших в Симферопольском естественно-историческом музее, «коллекции там гибнут». Относительно Алушкинского дворца-музея глава Конференции сделал вывод о недостаточности критического отношения к экспозиции, заметив при этом, что этот недостаток характерен для всех усадебных музеев СССР. Как выход, было предложено усилить в экспозиции сюжеты, связанные с историей классовой борьбы (хотя тут же была сделана оговорка о недостаточности подобных материалов), либо ограничиться внесением критических элементов в экспозицию классовой культуры [9, л. 10]. В целом, доклады, посвященные методам экспозиции археологических, художественных и историко-бытовых, естественно-исторических музеев были оценены Конференцией как своевременные. В резолюции по этому вопросу отмечалось, что основным методом в археологических и художественных музеях должен быть историко-художественный, в историко-бытовых экспозиция должна строиться на принципах бытовых ансамблей с учетом их историко-экономической базы, которая также должна была отражаться в экспозиции, естественно-исторические музеи должны были организовывать экспозицию по краеведческому принципу [9, л. 18 об.–19].

Остальные выступления на Конференции носили прикладной характер. Так, К. Э. Гриневич выступил с докладом «План археологических раскопок в Крыму» [9, л. 11 об.–12]. В ходе его обсуждения Ф. Н. Петров подверг сомнению необходимость согласования вопросов об археологических раскопках в КрымОХРИСе и предложил рассмотреть возможность прямых контактов исследователей и учреждений с Главнаукой в данных вопросах. И. И. Пузанов ознакомил делегатов с докладом «Изучение производственных сил и поднятие народного хозяйства в Крыму» [9, л. 12 об.–13 об.], а С. Д. Ширяев выступил на тему «Музейно-просветительная работа и ее методы» [9, л. 13 об.–16 об.].

На вечернем заседании 13 сентября участники Конференции рассмотрели ряд текущих организационных вопросов, касавшихся деятельности конкретных музеев. Выступили: Н. С. Барсамов, К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти, А. И. Полканов, П. Я. Чепурина, С. Д. Ширяев. Рассмотрение двух важных вопросов – «О необходимости существо-

вания КрымОХРИСа» и доклад А. И. Полканова о деятельности КрымОХРИСа и о выполнении постановлений III Крымской конференции музейных работников было осуществлено в конце заседания. Резолюция Конференции по этим вопросам кратка. Так, относительно существования КрымОХРИСа, делегаты высказались однозначно против подчинения музеев региона управлению Политпросвета Наркомпроса Крымской АССР и акцентировали необходимость сохранения в Крыму специального органа по делам музеев и охраны памятников старины, штат которого должен был быть усилен архитектором-археологом [9, л. 18]. Представляя деятельность КрымОХРИСа, А. И. Полканов отметил, что в связи с переутомлением и тяжелыми условиями работы он намерен с октября 1926 г. оставить пост заведующего КрымОХРИСом и уполномоченного Музейного отдела Главнауки по Крымской АССР. В резолюции Конференции была дана следующая оценка деятельности организатора музейного дела: «была проделана большая работа по охране памятников Крыма, организации научно-исследовательской деятельности и укреплению материальной базы музеев», вследствие чего Конференция постановила благодарить А. И. Полканова за его работу на ответственных руководящих постах. Относительно же деятельности КрымОХРИСа и перспектив его работы, Конференция зафиксировала необходимость расширения сети краеведческих музеев, которое должно было быть закреплено в пятилетнем перспективном плане КрымОХРИСа. Также отмечалось, что концентрация спецсредств в распоряжении музеев является вынужденной, но необходимой мерой, вследствие недостаточности финансирования со стороны органов власти Крымской АССР. Кроме того, Конференцией выдвигалась идея создания специального фонда при уполномоченном Музейного отдела Главнауки в Крыму, где могли бы концентрироваться средства от музеев, имеющих большую доходность от своей деятельности. Расходы этого спецфонда должны были направляться на поддержку небольших или финансово несостоятельных музеев. Также была выдвинута идея о филиализации отдельных крымских музеев в отношении финансовой деятельности [9, л. 20–20 об.].

Таким образом, IV Крымская конференция музейных работников, стала ключевым событием в развитии музейного дела в Крымской АССР в 20-е гг. XX в. Делегатами конференции были проанализированы достижения первого этапа функционирования новой государственной музейной сети в регионе, определены параметры и приоритеты ее работы, предложен проект организации работы отрасли на перспективу. Можно утверждать, что Конференция стала своеобразным итогом работы КрымОХРИСа, как специализированного и полномочного государственного органа по руководству музейным делом. Выдвинутые участниками форума предложения имели свое практическое отражение в дальнейшей работе крымских музеев.

Опасения, связанные с дальнейшим функционированием КрымОХРИСа, высказанные в ходе IV Крымской конференции музейных работников, подтвердились в скором времени. 2 апреля 1927 г. по причине экономии бюджетных средств решением коллегии Наркомпроса Крымской АССР специальный орган был ликвидирован, а полномочия руководителя музейной сети региона были переданы инспектору по делам музеев при Отделе политического просвещения Наркомпроса Крымской АССР, уполномоченным Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР по региону становился непосредственно Нарком просвещения автономии [1, с. 96].



Фото 1. Ян Петрович Бирзгал



Фото 2. Константин Эдуардович Гриневич



Фото 3. С. Н. Петров

С одной стороны, было осуществлено подчинение музеев органам Политпросвета, недопустимость чего была озвучена в решениях Конференции. С другой – документы позволяют констатировать, что основные положения, выдвинутые в докладе Я. П. Бирзгала были воплощены в жизнь. Очевидно, это связано с тем, что после ликвидации КрымОХРИСа именно Я. П. Бирзгал занял должность инспектора по делам музеев, фактически сохранив тот же объем полномочий, что и находясь на работе в КрымОХРИСе.

21 июня 1927 г. на заседании СНК Крымской АССР был рассмотрен вопрос о сети музеев Наркомпроса, докладчиком по которому был нарком просвещения автономии У. В. Балич. Было решено утвердить сеть музеев, состоящих в непосредственном ведении НКП Крымской АССР и находившихся на финансировании бюджета республики в 1927–1928 гг. В перечень входили следующие учреждения: Феодосийский археологический музей, Картинная галерея И. К. Айвазовского, Ялтинский научно-художественный музей с филиалами – восточным и естественно-историческим, Военно-исторический музей с Панорамой обороны в Севастополе, Картинная галерея в Севастополе, Этнографический музей в Евпатории. Как видно из текста документа, проблему существования Картинной галереи в Севастополе власти Крымской АССР решили путем подчинения ее Наркомпросу Крымской АССР. В связи с этим, можно констатировать, что решение IV Крымской конференции музейных работников было скорректировано. Также в документах СНК Крымской АССР есть специальное разъяснение относительно приоритетов финансирования со стороны республиканских властей: так, для того, чтобы обеспечить функционирование картинной галереи в Севастополе (которой городскими властями было предоставлено подходящее помещение) был исключен из списка Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе, который предлагалось ликвидировать, его помещение музея передать Южнокрымскому курортному управлению под организацию здравницы, а художественные экспонаты – направить для экспозиции в галерею в Севастополе. Второй составляющей создаваемого музея должны были стать экспонаты художественного отдела Ялтинского научно-художественного музея, также расформированного [10, л. 8 об., 98–101]. Остальные музеи региона находились на самокупаемости от своей экскурсионной деятельности.

В целом, сеть музеев разного подчинения в Крымской АССР в 1927 г. выглядела следующим образом: ЦМТ (г. Симферополь), Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (с филиалами в Мангуп-Кале и Чуфут-Кале), Государственный Алупкинский историко-бытовой музей, Евпаторийский краеведческий музей, Севастопольский музей краеведения, Феодосийский краеведческий музей, Ялтинский восточный музей, Херсонесский историко-археологический музей, Керченский историко-археологический музей.

Список использованных источников и литературы

1. Полканов А. И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму / А. И. Полканов // ИТОИАиЭ. – Симферополь, 1930. – № 4. – С. 93–123.
2. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-138. Евпаторийский краеведческий музей, оп. 1 д. 6. Программа конференции крымских музейных работников, циркуляры, инструк-

ции по хранению музейных экспонатов и переписка с Управлением Музейного [отдела] Главнауки по Крыму, 28.03.1924–8.10.1924 г., 339 л.

3. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-652. Совет Народных Комиссаров Крымской АССР, оп. 1 д. 601. Переписка с Наркомпросом и его отделами, университетом, рабфаками, 16.04.1924–16.12.1924 г., 402 л.

4. Центральный муниципальный архив г. Москвы, ф. 1. Центральные государственные реставрационные мастерские, оп. 1 д. 523. Третья крымская музейная конференция, 1924 г., 7 л.

5. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 10 д. 190. Переписка с музеями Крыма об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам, ч. II. 3.03–28.04.1925 г., 238 л.

6. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 10 д. 189. Переписка с музеями Крыма об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам, ч. I. 6.01–25.02.1925 г., 119 л.

7. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 10 д. 190. Переписка с музеями Крыма об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам, ч. II. 3.03–28.04.1925 г., 238 л.

8. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2307. Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР, оп. 10 д. 192. Переписка с музеями Крыма об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам, ч. IV. 1.10–19.12.1925 г., 198 л.

9. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-2865. Центральный музей Тавриды, оп. 2 д. 2. Протокол заседания IV Всекрымской музейной конференции, 12.09.1926–13.09.1926 г., 22 л.

10. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-652. Совет Народных Комиссаров Крымской АССР, оп. 1, д. 1204. Протокол № 12 заседания Совета народных комиссаров Крымской АССР от 21 июня 1927 г. с приложением материалов, 21.06.1927–25.06.1927 г., 156 л.

11. Ионова О. В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти / О. В. Ионова // Труды НИИ музееведения. – Вып. 1 : история музейного дела в СССР : сб. статей. – М.: Гос. изд-во культ-просвет лит.-ры, 1957. – С. 37–72.

Асанова У. К. III і IV Кримські конференції музейних працівників: цілі, проекти, результати / У. К. Асанова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 1. – С. 22–41.

На підставі нових неопублікованих і маловідомих архівних джерел відновлюються обставини проведення, мотивація прийняття рішень III і IV Кримських конференцій музейних працівників в середині 20-х рр. XX ст. Висвітлюється хід конференцій, аналізується зміст основних рішень, що мали ключове значення для подальшого розвитку музейної справи в Кримській АСРР. Констатується, що в результаті проведення подібних заходів зусилля по створенню єдиної мережі музейних закладів в регіоні дали позитивний результат. Простежено виконання рішень конференцій через постанови керівних органів влади Кримської АСРР.

Ключові слова: Кримська АСРР, музейна мережа, конференція, КРИМОХОРІС, О. І. Полканов, Я. П. Бірзгал.

Asanova U. K. III and IV of the Crimean conference museum staff: the goals, projects, results / U. K. Asanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 1. – P. 22–41.

The problem of reorganization and transformation of forms and methods of work of the museum network, participation of government representatives on the one hand, and the Crimean - academic and artistic communities - on the other, remains little known story of the topic of museum development in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 20's and 30's years. The twentieth century. The network is the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic during the 20's and 30's. The twentieth century. undergone

some significant organizational changes, all of which affected the whole organizational scheme of museum management, helped create a truly organically interconnected network of permanent institutions. Any adjustment methods of management was dictated by considerations and common priorities and interests of the state and party apparatus in the first place - for ideological control over the activities of museums in the establishment and strengthening of the sole of a totalitarian political regime in the Soviet Union, based on the cult of personality of Stalin. Analysis of the evidence base on the problem allows us to offer a new periodization of the development process of the museum network in the Crimean Autonomous Republic. It highlights the following periods: 1921–1927 gg. - The period of the emergence of new forms of museum work in the region, the resumption of the continuing operation of museums of pre-Soviet times, the emergence of new public museums of different types, leadership and methodical activity KrymOHRISa - a special government body to guide museums Crimea. 1927 - The first half of the 30's. The twentieth century. - A period of organizational change and submission museum network ideological control of the party and state organs of Soviet power: the elimination KrymOHRISa, concentration management functions in the hands of officials of the People's Commissariat of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, the general crisis of the museum and the first phase of political repression against members of the museums. The second half of the 30's. The twentieth century. - 1941 - the period of strengthening ideological control of museum work, the final formation of the museum network in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic: direct submission and administration of museums in the competence of the Russian Federation and the People's Commissariat of the structures of the Crimean Autonomous Republic, linking the museum displays works from important tasks of economic, political and cultural development, are carried out by Soviet power, a significant increase in the historical and revolutionary themes in the exposition, the direct dependence of the development of museum work to fulfill the orders of the governing bodies.

Resolution III Conference Crimean museum employees (September 1924) give evidence of the scale of the issues and the adequacy of the conclusions of the Conference. A special resolution on museum construction outlined the main priorities of the network. For the first time acknowledged that «Crimea to all individuals within its territory of archaeological, historical, artistic and ethnographic monuments and nature is exceptional, not only national, but also international scientific value», while explicitly stated that «the study of its cultural and historic past and natural resources is the main task of the Crimean museums <...>, the implementation of this problem is possible only through the involvement of its implementation of the masses and the convergence of the museum work with the proletarian party and the cultural and educational organizations. « Solutions III conference of museum workers Crimea may be considered as innovative, timely, but sustained increase in line with the political and ideological control of the museum work. First, they affect all the main directions of its work in the region. Second, they demonstrate the complexity of management activity KrymOHRISa, which could effectively provide work and organizational and methodological, and research directions. Third, the unique drift toward repetition of ideological party facilities may be considered by following the general trend of cultural construction in the USSR, as local solutions relevant regulatory authorities should be attributed to the manifestation of reaction to such decisions and their desire to swiftly implement.

Yalta Conference IV museum employees (September 1926), was a key event in the development of museums in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 20's. The twentieth century. Conference delegates were analyzed achievements of the first phase of the new national museum network in the region, the parameters and priorities of its work, a draft organization of the industry in the future. The conference has become a unique product of a KrymOHRISa as specialized and authorized state body to guide the museum business. Proposals put forward by the participants of the forum had their practical reflection in the future work of the Crimean museums. Overall, the network of museums of different subordination in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in 1927 was as follows: ITC (Simferopol), National Palace Museum of Turkish-Tatar culture in Bakhchisaray (with branches in Mangup Kale and Calais), the State Alupka Historical Museum home, Yevpatoriya museum, museum of local history Sevastopol, Feodosia Museum, Yalta eastern museum Chersonese Historical and Archaeological Museum, the Kerch Historical and Archeological Museum.

Keywords: Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, the network, the conference KrymOHRIS, A. I. Polkanov, Y. P. Birzgal.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.